

Армия и военные реформы

А. В. Дмитриев

Продовольственное снабжение воинских частей на территории Сибири в 1740-е годы.: меры по организации и механизмы адаптации *

Вопрос о механизмах снабжения русской армии продовольствием и фуражом, действовавших на всем протяжении XVIII в., до сих пор, насколько нам известно, не становился предметом специального изучения. Как правило, в работах по истории армии лишь перечисляются соответствующие законодательные акты, посвященные материальному снабжению войск, и приводятся цифры, характеризующие рацион питания военнослужащих и его стоимость в денежном эквиваленте. Например, у Н. И. Соловьева читаем: «Относительно нижних чинов комиссия (Воинская 1731 г.) положила отпускаящиеся раньше отдельно деньги на мясо и на соль присоединить к их жалованию. Мясных денег полагалось в год 72 коп., а на соль 15 коп. в год на человека»¹. Современные исследователи указывают, что «основной пищей солдата... оставались сухари и каши из различных круп. Мясные порции выдавались нерегулярно...»². В работе А. И. Бегуновой приводятся конкретные цифры: «На питание солдату выдавали в год: муки – 21 пуд и 30 фунтов, крупы – 10 пудов, соли – 24 фунта, мяса (порция не определена) – на 75 копеек (немалая сумма по тем временам)... При таком питании вроде бы остаться голодным трудно, но есть сведения о том, что войска часто не получали этого продовольствия из-за плохого снабжения, нечестности поставщиков и т. п. и терпели голод»³. Однако ничего не сказано здесь о том, каким образом продовольствие доставлялось военнослужащим и какие структуры отвечали за организацию этого процесса.

Обычно историки ссылаются на петровский «Плакат о сборе подушном», который гласил: «Когда полки будут стоять на квартирах, и повелено будет брать провиант и фураж натурою, тогда за оной засчитать по настоящим в тех местах ценам... А имянно: за муку по полтора рубли, за крупу по два рубли за четверть, за фураж овса по полтине за четверть, за сено по шести денег за пуд»⁴. Л. Г. Бескровный,

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № ПЗ64 от 07.05.2010.

¹ Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1. С. 101.

² Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 102.

³ Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... из истории русской кавалерии. М., 1992. С. 42.

⁴ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 204.

связывая положение дел в этой сфере с уровнем социально-экономического развития страны в целом, писал: «В период установления товарно-денежных отношений в народном хозяйстве уже нельзя было ограничиваться натуральными поставками... Переход к денежному налогу был неизбежен. При помощи денег можно было регулировать поставки. Армия как один из основных потребителей хлеба способствовала внедрению товарно-денежных отношений в крепостное хозяйство». Развивая свою мысль, он далее указывал, что «переход от натуральных поставок к денежным закупкам привел к системе централизованных заготовок и созданию специальных провиантских магазинов, на которые базировались войска»¹. Но мы не можем назвать примера, когда принципы функционирования этой системы изучались бы в рамках отдельных регионов страны по конкретным воинским частям. В данной публикации мы хотели бы предпринять подобную попытку, основываясь на известных нам материалах о продовольственном снабжении армейских подразделений – как гарнизонных, уже расквартированных на территории Западной Сибири, так и полевых, перебрасывавшихся туда на протяжении 1744–1745 гг.

Нельзя сказать, чтобы интересующие нас вопросы совсем не затрагивались исследователями: в ряде работ по истории Сибири XVIII в. встречаются отдельные упоминания о продовольственном снабжении войск. Так, Н. Г. Аполлова охарактеризовала заведение казачьей пашни на Иртышской линии с 1745 г., а также систему закупок хлеба для расквартированных в Западной Сибири регулярных полков². А. С. Зуев остановился на проблемах транспортировки продовольствия для снабжения воинских команд, находившихся в середине XVIII в. на крайнем северо-востоке Сибири³. Г. Ф. Быконя уделил внимание опыту полкового хлебопашества, когда солдаты Якутского полка в Забайкалье пытались перейти на «самообеспечение»⁴. Однако сведений о том, какие центральные и местные учреждения отвечали за продовольственное снабжение и как они выполняли возложенные на них обязанности, мы здесь опять-таки не находим. Между тем мы располагаем достаточно интересным материалом, демонстрирующим, какие именно меры для этого предпринимались и как происходила их адаптация к особым условиям региона.

Уже в конце 1744 г., принимая решение о передислокации в Верхне-Иртышские крепости двух гарнизонных драгунских полков, сибирский губернатор А. М. Сухарев распорядился «приготовить заблаговременно провиантга и фуража, дабы везде оно было з доволствием»: в четырех пунктах (Коркина

¹ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 124.

² См.: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 163.

³ *Зуев А. С.* Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // *Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.* Бахрушинские чтения 2005 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 41–44.

⁴ См.: *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. С. 174, 175.

слобода, Тара, Омская крепость и Чернолуцкая слобода) надлежало заготовить по 10 тыс. четвертей муки, 650 четвертей крупы и 24 тыс. четвертей овса на фураж. Помимо этого, для довольствия полков на марше губернатор считал необходимым заготовить дополнительные запасы провианта. Предвидя, что путем закупок получить надлежащее количество хлеба не удастся, он указал «собрать с казенной десятинной пашни и оброчной весь в магазейны ж в самой крайней скорости, а где чего казенного налицо не будет, в таких местах покупать ис четырегривенного збору настоящими ценами бес передачи»¹. Кроме того, воеводам Томска и Кузнецка было предписано отвезти имеющийся в их распоряжении казенный и оброчный провиант в Иртышские крепости.

Однако, подозревая, что хлебных запасов Сибирской губернии вряд ли окажется достаточно для выполнения намеченной программы, Сухарев обратился за помощью к своему коллеге, оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву. Мотивом послужило сомнение в том, что «оное число можно ли заготовить, о том еще неизвестно, да и неупователно, чтоб такая немалая сумма могла вскорости приуготовлена быть». Указывая, что Исетская провинция, наиболее плодородная, в 1737 г. отошла в ведомство Оренбургской губернии, Сухарев предлагал заранее заготовить в тамошних магазинах сколько возможно провианта и фуража, чтобы следующим летом начать перевозку этих запасов на речных судах в крепости по Иртышу². От собственных же подчиненных он требовал неукоснительного исполнения принятых решений, грозя суровыми наказаниями: «Тарскому воеводе и ишимскому управителю в Омской крепости и в Чернолуцкой слободе о заготовлении оного провианта и фуража учинить по силе прежде посланных из Сибирской губернской канцелярии указов во всем неотменно, и в том им неусыпное наиприлежнейшее старание иметь под опасением, ежели оного провианта и фуража заготовлено не будет, или онаго где и заготовлено будет, да недовольно, и в том люди и лошади хотя малую нужду претерпят, то в том... оные воеводы и управители пред судом, яко в неисполнении указов, не токмо жестоко штрафованы, но и истязаны будут»³.

Однако, как показали дальнейшие события, выполнены распоряжения губернатора оказались лишь частично. В начале 1745 г., когда Сухарев и прибывший к нему командующий Сибирским корпусом генерал-майор Х. Киндерман разрабатывали программу мер по снабжению провиантомдвигающихся в Сибирь армейских полевых полков, выяснилось, что «оного провианта хотя с казенной десятинной пашни и покупного в магазейны и заготовлено, однако ж оного недовольно, а особливо в Верх-Иртышских крепостях и в Тарском магазейне весьма оного мало, и ежели востребует крайняя нужда, чтоб оного завезть в те Иртышские крепости вскорости поблизости ис Тарского магазейна, то и взять оного будет так в скором времени негде»⁴. Более того, получив известие, что Киндерман

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 4. Л. 68, 69 об.

² Там же. Л. 70, 71.

³ Там же. Л. 71 об., 72.

⁴ Там же. Л. 52.

собирается расположить свой штаб в г. Таре, тамошний воевода вместе со старостами близлежащих слобод подал губернатору слезное прошение, дабы освободить вверенную ему округу от появления воинских контингентов, иначе «все жители придут в крайнее разорение и нищету, для того что де у многих пашенных земель и сенных покосов не имеетца». Более того, в прошении была нарисована печальная картина: «Хлебу и траве имеетца недород уже по третьей год за неспособными во время хлебу и траве рождения погодами... а на пропитание де пашенным жителем оставлено хлеба самое малое число, не болше что будет на три месеца... и непахотным де жителям за оным уже ныне и есть нечего, и многие де таковые за неимением в торгу правианта едва питаютца мирским подаванием, и за недостатком де сену многие ж жители рогатой чистой скот уже бьют»¹.

Рассмотрев сложившуюся ситуацию, Сухарев и Киндерман выяснили, что уже заготовленного провианта хватит перебрасываемым сюда войскам лишь на три месеца (а в Иртышских крепостях, по рапорту полковника Т. Зорина, провианта было заготовлено на четыре месеца), после чего решили прибегнуть к экстраординарным мерам. Специальным распоряжением губернатора было велено на винокурнях «рожь, муку ржаную и овес весь, что есть, переписать и запечатать до указу, и вино курить запретить», а на территории Тобольского уезда «всякой хлеб и сена у обывателей переписать, коликое число и у кого имянно и какого хлеба, также и сена имеетца, и ис того числа оставить тем обывателем, что им потребно для их пропитания и на семена, а сена скоту, а достальной за тем весь запечатать и в расход никуда употреблять отнюдь не велеть под смертною казнию»². Кроме того, для перевозки уже имеющегося провианта из Краснослободского уезда в Тару был отправлен тобольский дворянин С. Денисов, которому предписывалось собрать надлежащее количество подвод у местных крестьян и разночинцев и доставить на них в Коркину слободу по 10 тыс. четвертей ржаной муки и овса и 630 четвертей крупы. Управитель Краснослободского уезда полковник Ф. Вейдинг должен был направить с каждой командой подвод целовальников. Доставлять провиант из Коркиной слободы в Тару поручили тобольскому дворянину А. Черкасову, а принимать его там был назначен комиссаром тобольский дворянин Е. Денисов³.

Не забыли и о фураже: на Тару предписано было доставить 100 тыс. пудов сена, остававшихся в Ишимском и Ялуторовском уездах после заготовки силами выводимых оттуда драгун Сибирского и Новоучрежденного гарнизонных полков. Все эти перевозки должны были осуществляться силами крестьян, задействовать предполагалось почти 2,5 тыс. чел. Впрочем, их услуги были не бесплатными, в документе указывалось, что «за воску вышеписанного правианта

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 4. Л. 52 об.

² Там же. Л. 55, 55 об. Об этих мерах упоминает Н. Г. Аполлова, правда, датируя их проведение в жизнь январем 1746, а не 1745 г. (Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. С. 163.)

³ Там же. Д. 283. Ч. 1. Л. 56–57 об.

крестьяном и разночинцом учинена будет плата впредь по Плакату»¹. Оплачивались «прогоны за подводы: летом – по 1 коп., а зимой – по 1/2 коп. с версты, а за простой на дворе, как за рабочий день»². Кроме того, в инструкциях упомянутым выше тобольским дворянам специально оговаривалось, «дабы они обывателем никаких обид и налог не чинили и взяткам не касались под смертною казнию, а ежели они то чинить будут... то с ними поступлено будет по силе Соборного Уложения и ея императорскаго величества указов без всякого милосердия и помилования»³. Наконец, повторялось распоряжение, адресованное томскому и кузнецкому воеводе, об отправлении в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости имеющегося в их распоряжении провианта, а также выражалась надежда получить дополнительные резервы из Исетской провинции⁴.

Центральные ведомства, со своей стороны, также предпринимали соответствующие усилия. Продовольственным снабжением армии ведала тогда Главная провиантская канцелярия, в 1742 г. выделенная, вместе с Главным комиссариатом и прочими вспомогательными ведомствами, из структуры Военной коллегии⁵. Возглавлявший ее генерал-майор А. Шереметев, согласно полученному из Военной коллегии сенатскому указу, 4 февраля 1745 г. распорядился направить к Сибирскому корпусу в качестве провиантмейстера генерал-лейтенанта Б. А. Бибикова, предписав «крайнее иметь ему старание, чтоб везде в потребных местах на людей провианта, а на казенных лошадей фуража приготовлено было достаточное число, дабы во оном ни малейшаго недостатка не было под опасением жестокаго взыскания»⁶. На заготовку провианта и фуража Бибиков должен был получить 78 тыс. руб. и распорядиться ими надлежащим образом. Однако с этим также возникли затруднения.

Ассигновать указанную сумму на довольствие войск Сибирского корпуса следовало из средств Главной провиантской канцелярии, полученных от подушного сбора за вторую половину 1744 и первую половину 1745 г. Всего канцелярии следовало получить более 800 тыс. руб. Но уже в конце марта 1745 г. генерал-майор Шереметев вынужден был признать: «Чтоб вся оная генеральная сумма... была ныне в наличности, о том... уверить не можно, да и на получаемых из губерней и провинций репортах за всегдашними расходами уверитца невозможно»⁷. В объяснении причин этого он ссылался на традиционную

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 4. Л. 57 об. – 59.

² Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). С. 91.

³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 1. Л. 58 об.

⁴ Там же. Л. 60, 60 об.

⁵ См. об этом: *Столетие* военного министерства. СПб., 1902. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России. С. 30; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. С. 71.

⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 1. Л. 45.

⁷ Там же. Ч. 2. Л. 15, 15 об.

бюрократическую волокиту и свою болезнь, якобы задержавшую его отъезд из Москвы в Петербург: «На вторую половину 744 году асигнация дана в октябре месяце, ис которой асигнованной суммы сколко было расходу и за тем в остатке репортов еще от оной не получено. А на первую нынешняго 745 году половину о зборе и о высылке оных и о употреблении на принадлежащие дачи в расход при отъезде моем еще токмо отправлялись нарочные куриеры, а расходу ис той половины тогда еще бытъ было некогда»¹. Из сложившейся ситуации Шереметев делал вполне однозначный вывод: «Велено всех обретающихся в Сибирской губернии... войск провиантом и фуражем довольствовать, а положенной на них никакой суммы нет, и такого приготовления и за прежде бывшими такими ж чрезвычайными расходами, которым возврату в провиантскую сумму не учинено, чинить не на что»².

Выход из создавшейся ситуации был найден летом, когда Главной провиантской канцелярии было предложено требовать соответствующие суммы от Штатс-контор-коллегии³. Но местные власти уже весной вынуждены были начать действовать самостоятельно, не дожидаясь распоряжений из центра. В рапорте сибирского губернатора Сухарева от 1 апреля 1745 г., адресованном Военной коллегии, подробно изложено, что именно он успел сделать для решения поставленных задач. Из документа мы узнаем, что, во-первых, была успешно осуществлена почти в полном объеме упоминавшаяся ранее перевозка провианта из Краснослободского уезда в Тару: на обывательских подводах туда перевезли 10 тыс. четвертей овса, 4 тыс. четвертей муки и 630 четвертей крупы, «и оное учинено по самой крайней необходимой нужде, за что тем обывателем и заплаата произведена будет по Плакату»⁴. Во-вторых, Сухарев добился от оренбургского губернатора Неплюева согласия на отпуск из запасов Исетской провинции 30 тыс. четвертей овса и 20 тыс. четвертей ржи, для их транспортировки «по вешней полой воде» на 83 дощаниках туда был отправлен тобольский дворянин А. Вакулин. Более того, еще зимой для срочной переброски оттуда в Тару 6 тыс. четвертей муки генерал-лейтенант Бибииков отправил аудитора Н. Полякова, а обеспечить наряд в 2 тыс. подвод для доставки груза было поручено капитану Енисейского гарнизонного пехотного полка М. Корякину⁵.

Кроме того, гораздо подробнее к этому времени была разработана программа заготовки провианта в Томском и Кузнецком уездах. Дело осложнялось тем, что на здешних воевод уже ранее была возложена обязанность снабжать продовольствием Кольвано-Воскресенские заводы. Поэтому сибирский губернатор 15 февраля 1745 г. распорядился, чтобы из Томска и Кузнецка в Тару было отправлено сейчас же 3 тыс. четвертей ржаной муки и круп «по пропорции» (т. е. в пропорциональном объеме), а на заводы провиант сплавлять

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 1. Л. 16 об.

² Там же. Л. 17.

³ См.: Там же. Л. 36, 37.

⁴ Там же. Л. 136.

⁵ См.: Там же. Л. 136 об.

весной на речных судах¹. Одновременно велась работа по подготовке транспортников в Иртышские крепости провианта, заготовленного зимой в Тобольске и его окрестностях. Еще в начале года состоялся приказ Сухарева: «Везде у обывателей хлеб и сена велено переписать... оставя тем обывателем, что им потребно без излишества для их пропитания и на семена, а сена скоту, а достальной за тем весь запечатать». Теперь этот «описной хлеб и сено велено распечатать» и готовить к отправке, причем «из вышеписанного описного у обывателей провианта и фуража велено определенным камисарам покупать в казну, и за оное им денги выдавать при самой той покупке того ж часа неудержно, не касаясь ко взяткам и подаркам под смертною казнию»². Для этой цели собрали 63 дощаника: в самом Тобольске взяли 10 казенных и 17 купеческих судов, остальные построили в других городах, в Тюмени, Туринске и Ялуторовске – по 5, на Верхотурье и в Краснослободске – по 10, еще один – в Пельме. Пеньку и бечеву на оснастку всех этих судов казна покупала у тобольских обывателей, с аналогичной целью до Соли Камской был отправлен прапорщик Енисейского полка З. Молоков³.

Выполнение всех перечисленных мер позволило губернатору Сухареву с удовлетворением констатировать, что поставленная перед ним задача выполнена, и даже выяснившаяся по ходу дела нехватка провианта в Тарском уезде не стала для этого препятствием: хотя его канцелярия «подлинных ведомостей ис Тарской воеводской канцелярии не имела, и что там за бывшим недородом в хлебе недостаток не ведала», но «как из оной Тарской канцелярии Сибирская губернская канцелярия о недороде хлеба репорт получила то о приуготовлении покупкою оного провианта в протчих Сибирской губернии городах и дистриктах всекрайнейшее и неусыпное старание имела»⁴. Это позволило генерал-майору Киндерману наконец-то начать переброску вверенных ему войск ближе к границам: «От недовольства провианта и фуража по крепостям Иртышским поныне движение полкам он чинить не мог, а ныне де по благополучной и теплой погоде и за малоимением здесь в степях снегу, отчего надежно, что лошади с 15 числа марта в тех степях довольствоватца могут»⁵. Тем не менее для успешного решения поставленных задач потребовались, как видим, меры чрезвычайного характера.

Интересно отметить, что для снабжения провиантом армейских частей пришлось оставить без хлебного жалования значительную часть служилого населения Сибири. Губернатор Сухарев распорядился на этот счет: «Сибирской губернии как тобольским, так и городовым дворяном... кроме рядовых казаков во всех городех до указа и до будущего определения провианта дачи не производить, ибо оного потребно на прибывшие, також и следующие в Сибирь

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Ч. 2. Л. 137 об., 138.

² Там же. Д. 283. Ч. 1. Л. 57 об.; Ч. 2. Л. 140, 141

³ Там же. Ч. 2. Л. 140, 140 об.

⁴ Там же. Л. 142, 142 об.

⁵ Там же. Л. 139.

драгунские и пехотные полки». При этом исходил он из того, что «тем дворяном и детям боярским и без выдачи хлебного жалования недолгое время пробыть можно, ибо они не так, как казаки, хотя и посылаютца во осторожность от неприятельских людей, токмо малое число, понеже их имеетца против казаков малолюдно»¹. Однако мало было снабдить регулярные войска провиантом в момент их прибытия, надлежало обеспечить бесперебойное снабжение их всем необходимым и в дальнейшем. А вот с этим как раз постоянно продолжали возникать трудности.

В 1748 г., когда небольшую часть военнослужащих сибирских гарнизонных частей решено было перебросить на юго-восток, для охраны района Кольвано-Воскресенских горных заводов, проблема продовольственных поставок встала с новой силой. Всего на заводы и в прилегающие к ним деревни (включая также гарнизоны Барнаула и Кузнецка) были отправлены 570 драгун и 1 200 солдат². Если гарнизонам пяти Иртышских крепостей, где на тот момент оставались еще более двух тысяч военнослужащих, провиант, по-прежнему, доставляли по реке из Тобольска через Тару, то в Бийскую крепость и на Кольвано-Воскресенские заводы продовольствие возили на дощаниках по Оби из Томска. В целом на снабжение как регулярных, так и нерегулярных контингентов, дислоцированных на всем протяжении этого участка границы, ежегодно требовалось более 11 тыс. четвертей муки и крупы, «токмо де оного правианта в тех крепостях и заводах имеетца малое число, и такую команду не токмо можно год доволствовать, но на полгода не будет»³. Зимой 1747/1748 гг. Сухарев и Киндерман, совещаясь с прибывшим к ним начальником горных заводов генерал-майором А. В. Безром, пришли к выводу, что «ежели для воски того правианта по отдаленности нескоро текущими реками и по оным многими кривизнами на дощаники в работу употреблять крестьян, и им платить заработные денги, то оной правиант в те крепости и заводы приходить будет великою ценою, да и крестьяном в летнее рабочее время... безменно быть не без отягощения, и в платеже податей иногда придут в несостояние»⁴.

В своем запросе, адресованном Военной коллегии, генерал-майор Киндерман поинтересовался, «повелено ль де будет впредь для воски казенного в крепости правианта на судах в работу употреблять как полевых, так и гарнизонных салдат, и з заплаотою ль или без заплаты, и буде повелено будет, по сколку человеку за ту работу на день денег производить и ис какой суммы»⁵? Ответ

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Ч. 1. Л. 59 об., 60.

² Там же. Д. 343. Л. 4, 4 об. Цифры, приведенные в работе А. А. Пережогина (250 драгун и 600 солдат), относятся лишь к нескольким местам дислокации воинских контингентов, общая же численность направленных сюда военнослужащих была в два раза больше. См.: *Пережогин А. А.* Военнизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. С. 89.

³ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 343. Л. 49.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 7 об., 8.

из столицы гласил: «Отправление правянта чинить таким образом: которой потребно на регулярное войско, то к свозу оного употреблять ис тамошних и гарнизонных полков салдат, а который на нерегулярные войски, то к тому употреблять людей ис таких же нерегулярных и ис протчих тамошних обывателей, дабы от излишняго одних полковых служителей росходу в полках в людях умаления не было»¹. Основанием для такого разрешения послужило то, что в указе императрицы Елизаветы от 12 мая 1747 г. генерал-майору Беэру была дана санкция на использование военнослужащих «для посылки в конвое за отправляемым серебром... или когда нужда случитца во отправлении нуждных, однако нетяжких работ, чего приписными исправить невозможно будет»². Сенатский указ от 10 марта 1748 г. уточнил решение Военной коллегии по вопросу об оплате за перевозку провианта: «А заплату показанным употребленным к сплаву правянта работным людям производить без всякого задержания по силе Плакату, а имянно: за тот правянт, которой в Колыванские и протчие заводы и места ведомства генерал-маэора Беэра отправлен будет, из заводской, а которой в Верх-Иртышские крепости, то из правянтской суммы, и Военной коллегии о том ведать»³.

Исполнение данного указа, правда, встретило некоторые затруднения. Если генерал-майор Киндерман летом 1748 г. доложил, что «в Верх-Иртышские крепости на дощениках правянт десять тысяч четвертей отправлен... армейскими и гарнизонными салдатами и служилыми казаками, кроме обывателей», то Беэр 17 июня отвечал, что «за сплав де правянта работным людям из заводской суммы бес повелительнаго от ея императорскаго величества указа денги производить опасен». Далее он выдвигал следующие мотивы своих опасений: «Сумма шездесят тысяч рублей положена на произведение горных дел, то есть на размножение и содержание заводов, на добычу, плавку руд, заготовление к тому ж припасов и материалов на содержание горных и заводских начальников, мастеровых, работных и протчих служителей, а не для содержания военных команд. А ежели и на то держать из заводской суммы, то заводов не токмо размножить, но и наличных малых на той сумме содержать не можно, оные же регулярные и нерегулярные обретающияся там войска состоят в комплекте по воинскому статусу, а не сверх онаго для заводов»⁴. На этом основании Беэр не считал возможным оплачивать доставку продовольствия военнослужащим на вверенных ему заводах из находящейся в его распоряжении суммы.

Сенат вынужден был согласиться с мнением заводского начальства. Зимой 1748/1749 г. Военная коллегия получила сенатский указ, гласивший: «Ежели к сплавке на доволство обретающихся в Колывано-Воскресенских и в протчих заводах и других ведомства генерал-маэора Беэра местах регулярных и нерегулярных войск правянта в нынешнем лете браны были работные люди, а по силе

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 343. Л. 8 об.

² Там же. Л. 49 об.

³ Там же. Л. 63, 63 об.

⁴ Там же. Л. 74 об.

Плакату заработных денег им не выдано, то сколько надлежит заплату произвести ис правянской суммы, понеже оной правянт в помянутые места определено отправить не на заводских служителей, но на доволство показанных состоящих тамо регулярных и нерегулярных войск, кои состоят в комплете по воинскому статусу». Аналогичным образом предписывалось поступать и в дальнейшем: «Когда ко отправлению на те же регулярные и нерегулярные войски правянта по крайней нужде работные люди взяты будут, оным заработные денги производить ис правянской же суммы»¹. Так удалось разрешить и эту проблему.

В свете изложенного выше мы можем заключить, что система продовольственного снабжения армейских частей далеко не всегда функционировала с надлежащей степенью эффективности. В ряде случаев центральные органы военного управления (Военная коллегия, Главная провиантская канцелярия) оказывались лишены возможности оперативно реагировать на возникающие проблемы, и местной администрации приходилось своими силами преодолевать трудности. Одна из причин подобного хода событий, очевидно, лежит на поверхности – чрезвычайная отдаленность Сибирского региона, где дислоцировались интересующие нас воинские части, от столицы империи делала невозможной хоть сколько-нибудь адекватную реакцию центральных учреждений на складывающиеся здесь те или иные обстоятельства. Вместе с тем, на наш взгляд, сыграла свою роль и та децентрализация органов военного управления, которая была произведена вскоре после вступления на престол императрицы Елизаветы. В результате ее, как справедливо отмечали русские военные историки начала XX в., было «нарушено единство центрального военного управления»². С этого времени, делает вывод Л. Г. Бескровный, большую часть полномочий передали в руки местных властей: «Губернаторы полностью осуществляли функции управления войсками на месте, то есть ведали крепостями, расположенными на территории губернии, гарнизонами, проводили наборы и обеспечивали сбор средств по губерниям на содержание армии»³.

Описанные нами действия сибирского губернатора А. М. Сухарева на протяжении 1740-х гг. вполне укладываются в эту схему. Правда, необходимо отметить, что все решения местной администрацией принимались по согласованию с командующим Сибирским корпусом генерал-майором Х. Киндерманом, прибывшим сюда в 1745 г. Это показывает, что военные и гражданские власти были в состоянии успешно координировать свою деятельность на местах, прежде всего в тех сферах, которые были связаны с удовлетворением повседневных нужд военнослужащих. Данная система прошла успешную адаптацию даже к тем специфическим условиям, которые были характерны для жизни и службы в Сибири на протяжении всего XVIII в.

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 343. Л. 75.

² См.: *Столетие* военного министерства. С. 31.

³ *Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке*. С. 72.